

Ринат ШАЯХМЕТОВ,
исследователь

НОЭЛЬ ШАЯХМЕТОВ И ОБЛИКИ ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ

Антропологи шлифуются годами.
Н. Ж. Шаяхметов

Созидательное время

Становление казахской антропологии начинается со второй половины 1950-х годов с имен Оразака Исмагуловича Исмагулова и Ноэля Жумабаевича Шаяхметова, которые, будучи практически ровесниками, начали в это время свою трудовую деятельность, но в антропологию пришли каждый своим путем. Путь Исмагулова – академический, от стажера до академика, он считается основателем казахской научной школы. А путь Шаяхметова – через судебную антропологию, только зарождающееся тогда направление физической антропологии, в поисках возможности пластической реконструкции по методу Герасимова неопознанных черепов из картотеки Алма-Атинского бюро судебно-медицинской экспертизы, где начал работать после окончания мединститута.

Н. Шаяхметов с черепом Курмангазы. 1967

В советские годы антропология понималась как наука о происхождении и эволюции человека и его рас, как физическая антропология. В 1950–1960-е годы к ней наблюдался повышенный интерес в самых широких слоях общества, вызванный работами известного советского антрополога Михаила Герасимова. На базе лаборатории пластической реконструкции при Институте этнографии Академии наук СССР он создает свою школу, основанную на «объективном методе Герасимова», позволяющем с документальной точностью воссоздать лицо по черепу. В 1957 году стал выходить периодический сборник «Советская антропология», который в 1960 году был переименован в «Вопросы антропологии». А в 1961 году режиссер Эльдар Рязанов даже снимает фантастическую кинокомедию «Человек ниоткуда», главным героем которой становится молодой ученый-антрополог Владимир Поражаев в исполнении Юрия Яковлева. В прессе публикуются материалы о воссозданных Герасимовым документальных портретах Тамерлана, Шахруха, Улугбека, Рудаки, Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Ивана Грозного, адмирала Ушакова и др. Идут интенсивные научные исследования и многочисленные дискуссии. В это же время проводится активная разработка частных и общих антропологических методик, расширяются принципы исследований, устанавливается и стабилизируется специфическая научная терминология. Люди были открыты новым идеям, не боялись трудностей и суеверий.

Путь Оразака

В Казахстане все эти достижения в физической антропологии вдохновили молодого казахского ученого Оразака Исмагулова, который в 1957 году начал свою работу в Институте истории, археологии и этнографии имени Чокана Валиханова. Ему предстояло встать у истоков академического направления в антропологической науке Казахстана, заложить её основы и пройти длинный и тернистый путь. В 1956–1957 годах он стажировался в Алма-Атинском медицинском институте, Музее антропологии при биологическом факультете МГУ имени М. Ломоносова, затем в 1958–1961 годах становится аспирантом Института этнографии Академии наук СССР имени Миклухо-Маклая, а кандидатскую диссертацию «Проблемы формирования антропологического типа казахов по данным краниологии древнего и современного населения Казахстана» пишет под руководством доктора биологических наук, профессора Г. Ф. Дебеца. В 1984 году Исмагулов защищает докторскую диссертацию «Этническая антропология Казахстана», а в 1989 году основывает первую лабораторию этнической антропологии в Институте истории, археологии и этнографии имени Чокана Валиханова. В годы независимости Исмагулов создает лабораторию физической антропологии в Астане. В 1994 году избирается членом-корреспондентом НАН РК, а в 2003-м – академиком. Новое поколение казахских антропологов училось на книгах Исмагулова – «Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование)», 1970 г., «Этническая антропология Казахстана (соматологическое исследование)», 1982 г., «Этническая одонтология Казахстана» (в соавторстве), 1989 г. и других. В 2017 году вышла книга Оразака Исмагулова и Айнагуль Исмагуловой «Происхождение казахского народа» [1], в которой отражены результаты комплексных исследований по физической антропологии казахского народа и его предков на основе конкретных антропологических данных, связанных с изучением костных останков человека от древних исторических периодов до морфологических и физиологических особенностей современных людей. Жизнь и научная деятельность академика Оразака Исмагулова протекала в русле академической науки, где он последовательно прошел весь путь от стажера, аспиранта, кандидата до доктора наук, профессора и академика, основателя научного направления, заняв заслуженное место в казахской антропологической науке.

Путь Ноэля

У Ноэля Шаяхметова увлечение антропологией началось со второго курса медицинского института, когда осенью 1950 года, возвращаясь из Москвы домой, он из любопытства купил на перроне одной из железнодорожных станций книгу. Очень необычным было её название – «Восстановление лица по черепу» (1949), и сама она оказалась необычной: «С её страниц доносился звон клинков, предсмертные стоны низвергнутых правителей, свист ветра в парусах, рев корабельных пушек, топот многих тысяч коней, под копытами которых гибли древние города и поселения», – вспоминал Ноэль. В «Основах» была изложена методика восстановления лица человека по черепу и описаны примеры. Её автором был Михаил Герасимов – известный антрополог, археолог, скульптор, доктор исторических наук, основатель и руководитель единственной тогда в мире лаборатории пластической антропологической реконструкции человека при Институте этнографии Академии наук СССР. «В общем, книга меня так поразила, что я не забывал о ней и о том удивительном человеке, который её написал» [2]. Эта книга была всегда рядом и служила Ноэлю источником вдохновения и специальных знаний, к которым он настойчиво стремился.

После окончания в 1955 году лечебного факультета Казахского государственного медицинского института Н. Шаяхметов начал работать судебным медиком в Алма-Атинском бюро судебно-медицинской экспертизы. Выезжал в служебные командировки для экспертной оценки эксгумированных трупов, учился у опытных специалистов. К этой работе он готовился еще со студенческой скамьи – проходил практику, дежурил в морге, посещал спецкурсы по будущей специальности, потому что судмедэкспертиза была ближе к антропологии, где можно было применить метод Герасимова, который еще до войны проводил свои контрольные опыты на криминалистических объектах, черепах, полученных из судебного морга в Лефортово. В «Основах» Герасимов пишет, что «этот опыт окончательно убедил меня в возможности изготовления по черепу реконструкций, имеющих портретное сходство». Шаяхметов решил освоить и применить метод Герасимова в казахстанской криминалистической практике, тем более что у Алма-Атинского бюро судмедэкспертизы была своя «коллекция» черепов.

Знакомство с Герасимовым

В 1956 году происходит важнейшее событие в профессиональной жизни Ноэля Шаяхметова – знакомство с Михаилом Михайловичем Герасимовым. Набравшись смелости, он пришел к профессору в лабораторию антропологической реконструкции на улицу Пятницкую, 12 и поведал о своей мечте стать антропологом под влиянием его книги, которую постоянно носил с собой.

Как вспоминала при нашей первой встрече в 2006 году известная антрополог Галина Вячеславовна Лебединская, которая работала у Михаила Герасимова со дня открытия его лаборатории (1950) и возглавила её после смерти учителя в 1970 году: «Ноэль появился у нас в лаборатории такой молодой, увлеченный и страшно стеснительный! Герасимову он сразу понравился, а меня попросил его опекать. Я знакомила Ноэля со своими наработками, особенно по средней части лица».

В самом начале встречи Герасимов спросил Ноэля, кем он работает. «Судмедэкспертом», – последовал ответ. «Это хорошо, – сказал Герасимов,

– ведь первыми признали мой метод именно криминалисты, судмедэксперты, когда я проводил контрольные опыты по проверке достоверности моих реконструкций на 12 черепах, полученных из Лефортовского морга для государственного эксперимента». Результаты превзошли ожидания. На кафедре судебной медицины Московского мединститута сравнили то, что получилось у Герасимова, с прижизненными фотографиями криминалистических объектов. Во всех 12 случаях было констатировано портретное сходство, то есть максимальное соответствие между черепом и лицом.

Этот эксперимент вдохновил криминалистов, хотя сама методика восстановления, по словам самого Герасимова, находилась тогда еще в «зачаточном состоянии» и подвергалась научной критике со стороны академической науки. Зато криминалисты взяли тогда «метод

Неопознанный. Антропомаска.
Начало 1960-х

Герасимова» на вооружение. А ведь на заре антропологии о полном портретном сходстве не было и речи.

В своей знаменитой книге М. Герасимов писал: «Работы Грегора, Кольмана, Меркле, Вирхова и ряда других вызвали массу критических и полемических статей, авторы которых утверждали невозможность восстановления портрета по черепу. По общепринятому мнению большинства анатомов и антропологов, по черепу возможно в лучшем случае только воспроизведение расового типа. Даже авторы реконструкций сами говорят, что ими созданы только отвлеченные этнические типы. Большинство из них категорически отрицает возможность портретной, т. е. индивидуализированной реконструкции. Несмотря на значительные сроки работы над данной проблемой, вопрос о восстановлении лица до портретного сходства оставался нерешенным» [3, с. 4].

Встреча с Герасимовым стала для Шаяхметова определяющей в жизни – он становится учеником человека, трудами и методом которого восхищался. «Вот такая короткая цепь событий и привела меня в антропологию. Может быть, повлияло и то, что сам я по специальности врач, а антропология – это детище медицины» [2].

Первые реконструкции. Древний уйсун

Первые практические попытки по портретной реконструкции по черепу были связаны непосредственно с работой Ноэля. В 1957 году его перевели врачом-биологом НТО УМ МВД – научно-технического отдела Управления милиции Министерства внутренних дел Казахской ССР, а в 1962 году – начальником Актюбинского областного бюро судебно-медицинской экспертизы. В эти годы он занимался изучением судебной антропологии (Forensic Anthropology). Она давала возможность совершенствовать свои навыки и применить на практике знания, полученные у Герасимова, оказывать поддержку органам следствия в опознании неизвестных останков, числящихся в картотеке МВД и бюро, при помощи новых исследований в этой области, насколько это было возможным, учитывая, что он делал это по собственной инициативе, больше как ученый. Учился определять на практике не только пол и возраст останков, но и некоторые патологии человека, отражающиеся на черепе, особенности зубной системы и многое другое.

Ноэль проводил антропологические и графические реконструкции черепов, снятых с краниологического учета по истечении определенного времени или для установления личности по приобщенной к черепу информационной карте.

С 1956 по 1964 годы Шаяхметов под руководством Герасимова делал такие реконструкции, восстанавливая по черепу неопознанных людей, проводил исследования по судебной антропологии. Это был тогда единственный способ визуализации неопознанной личности. Особенно сложной была реконструкция средней части лица. В этом неоценимую помощь оказывала его куратор Лебединская, которая специализировалась в этом направлении, создала свой «метод формирования мягкой (хрящевой) части носа», внесла большой вклад в развитие мировой физической антропологии.

*Древний уйсун.
Антропологическая
реконструкция. 1966*

Ноэль вспоминал, как Герасимов постоянно напоминал своим коллегам, что портретная реконструкция – это не художественный портрет человека, а документальный, что это максимальное приближение к его внешнему виду на момент смерти. Кроме того, в судебной антропологии излишняя детализация, художественность отвлекает внимание при идентификации личности от процесса опознания. Наверное, поэтому некоторые критики Ноэля обращали внимание, что его портретные реконструкции не такие художественные, как у Лебединской, Балуевой и Веселовской. В этом Ноэль был ближе к Сурниной, которая точно следовала методике Герасимова. Однако при воссоздании портрета исторического лица такой подход может быть спорным.

Из-за ограниченности оборудования и инструментария Ноэлю приходилось возить черепа с собой в Москву в коробке, когда ездил в командировку для консультаций с Герасимовым и Лебединской, которые вносили необходимые правки и помогали советами. Создание лаборатории пластической реконструкции в Казахстане так и осталось несбыточной мечтой Ноэля, хотя её необходимость была очевидной.

В 1964 году Ноэль был вынужден уйти из судебной медицины по семейным обстоятельствам, когда в Москве умерла его мать, Майнур Галиевна, а больного отца надо было перевезти в Алма-Ату и уделять ему больше внимания до его смерти 17 октября 1966 года. В 1964–1966 годах он работал патологоанатомом в детской больнице № 6, продолжая заниматься исследованиями и реконструкциями, которые спасали его от жизненных трудностей, давая возможность уйти с головой в эту работу. Ноэль похож на свою маму не только внешне, но и по характеру: спокойный, доверчивый, доброжелательный, трудолюбивый. Ходил с костылем, так как хромал после перенесенного в детстве костного туберкулеза правого голеностопа и правого предплечья. Михаил Герасимов относился к нему тепло, потому что сам был человеком искренним и сердечным.

Решение стать медиком возникло у Ноэля Шаяхметова рано и осознанно: «Всё детство я провел среди врачей в больницах и санаториях... С 1936 по 1940 лечился в Евпатории, санатории имени Крупской, потом в Алма-Ате, пока, наконец, в конце войны не появился пенициллин, который меня спас», поэтому в медицинской среде он чувствовал себя привычно.

Первой заметной работой Ноэля Шаяхметова, привлечшей научное и общественное внимание в 1966 году, стала антропологическая реконструкция древнего уйсунa. «В тот год Кемаль Акишев раскапывал уйсунские захоронения. Ну, и я выпросил у него один из найденных черепов. Это было простое воинское захоронение. Древний воин был погребен вместе со своим небогатым оружием. И стал я работать. Волновался, когда предстал со своим “портретом” в мастерской Михаила Михайловича. Ведь первый блин обычно бывает комом. К тому же Михаил Михайлович очень ревниво к своей работе относился, почти никогда не хвалил своих учеников. А тут вдруг похвалил меня, даже поздравил с удачей, дал очень хорошее письменное заключение. И сказал, что теперь я могу заниматься этим делом самостоятельно. Но еще долго, до самой смерти профессора, я посещал его мастерскую и учился, совершенствовал свои знания в этой совершенно новой науке, так плотно приблизившейся к искусству» [2]. В настоящее время бюст древнего уйсунa хранится в Президентском центре культуры в Астане и нескольких краеведческих музеях Казахстана, в том числе в Алматы.

Также был восстановлен по черепу трагически погибший первый казахский пионер Болатбек Омаров, позже проведена реконструкция по древнему черепу, найденному в Джамбульской области, человека со следами медицин-

ской операции на головном мозге – прижизненной трепанации – круглым отверстием на темени. На черепе, вокруг места операции, Ноэль обнаружил частички золота, то есть при жизни оно было прикрыто предохраняющей место операции золотой пластиной. Возможно, на территории Казахстана такие операции проводились в древности (VI век н. э.). Эта реконструкция была сделана как учебное пособие для родного медицинского института и долго хранилась в его музее, пока бюст не сгорел во время пожара музея в 2004 году. Остались только фотографии.

Экспедиции «Махамбет», «Исатай» и «Курмангазы»

В 1966 году в жизни Ноэля Шаяхметова произошло еще одно важное событие – встреча с Саимом Балмухановым, директором Казахского научно-исследовательского института (КазНИИ) онкологии и радиологии Министерства здравоохранения Казахской ССР. Ноэль получил от него приглашение на работу в качестве врача-рентгенолога с возможностью заниматься любимым делом – антропологией на благо науки и общества. Предложение оказалось столь заманчивым, что он сразу дал свое согласие и позже вспоминал: «Эти годы были самими счастливыми и продуктивными в моей жизни, об этом можно было только мечтать».

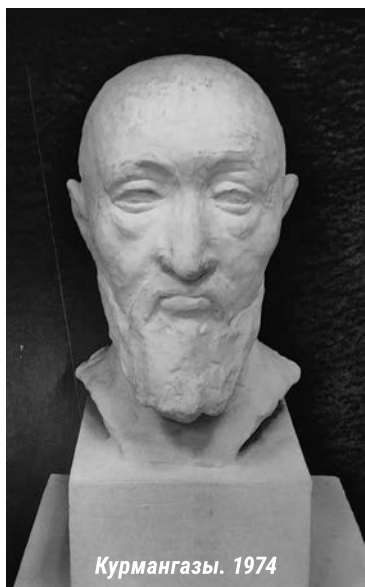
Все предыдущие годы Ноэль Шаяхметов свои антропологические исследования и стажировки в мастерской Герасимова совмещал с основной работой судебно-медицинского эксперта, пытаясь найти баланс между страстным увлечением и основной работой, которая позволяла хоть как-то содержать семью с двумя детьми. Антропология была его, как сейчас говорят, «волонтерской работой», денег за нее он не получал и записи в трудовой книжке со словом «антрополог» у него не было, поэтому академик Балмуханов стал для Ноэля «мистером Судьбой».

Перейдя на работу к Балмуханову в Казахский научно-исследовательский институт онкологии и радиологии на должность врача-рентгенолога, Ноэль Шаяхметов нашел этот баланс и с энтузиазмом окунулся в интересную работу, объездив с научно-исследовательскими и историко-антропологическими, археологическими экспедициями почти всю республику. Драматические события того периода требуют отдельного повествования, так как содержат ответы на некоторые вопросы казахской древней истории.

Дальнейшие события также дают ответ на вопрос, зачем Балмуханов пригласил Шаяхметова на работу в свой институт. Дело в том, что в середине 1960-х годов в Казахстане среди ученых и творческой интеллигенции родилась идея национального пантеона на горе Кок-Тобе в Алма-Ате и создания скульптурной галереи исторических личностей казахского народа на основе их документальных портретов, воссозданных по методу профессора Михаила Герасимова, получившему тогда большую известность не только в научных кругах, но и среди широкой общественности. За основу идеи национального пантеона был взят некрополь на горе Мтацминда в Тбилиси, который был открыт

Бюст Махамбета. 1967

в 1929 году как место захоронения видных деятелей Грузии.

Одним из главных энтузиастов этой идеи был академик Балмуханов, предложивший начать реализацию проекта с антропологической реконструкции облика легендарного казахского поэта-бунтаря XIX века Махамбета Утемисова, место захоронения которого на исходе 1950-х годов выяснили после нескольких лет изысканий академик Кажым Джумалиев и поэт Таир Жароков.

«По рекомендации профессора С. Б. Балмуханова было решено начать работу с воссоздания скульптурного портрета талантливого казахского акына Махамбета Утемисова» [4, с. 25].

На поиски и раскопки захоронения поэта требовалось разрешение руководства республики, министерства культуры и местных органов власти. Балмуханов сказал Шаяхметову, что надо идти на прием к первому секретарю

Центрального Комитета Компартии Казахстана Кунаеву, знавшему Ноэля ещё мальчишкой с 1942 года. В тот год Кунаев был переведен в Алма-Ату с должности директора Риддерского рудника Лениногорского рудоуправления на пост заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) Казахской ССР по рекомендации Жумабая Шаяхметова, в ту пору второго секретаря ЦК Компартии Казахстана, отвечающего, в том числе, за работу с кадрами в республике.

Вскоре Д. Кунаев принял Ноэля Шаяхметова и поддержал идею экспедиции и антропологической реконструкции Махамбета, поручив министерству культуры подготовить все необходимые разрешительные документы Гурьевскому (Атыраускому) облизполкому и обкому партии. Заинтересовала его и идея с национальным пантеоном в Алма-Ате на горе Кок-Тобе, но для этого требовалось время, чтобы всё основательно обдумать.

В начале июля 1966 года Саим Балмуханов позвонил Хайржану Абисатову, заведующему хирургическим отделением Казахского научно-исследовательского института онкологии и радиологии Минздрава Казахской ССР, находившемуся тогда во главе экспедиции по Гурьевской области, исследующей причины возникновения и распространения рака пищевода у жителей области, и сообщил, что для проведения раскопок захоронения Махамбета приедет Ноэль Шаяхметов со всеми необходимыми для этого официальными разрешениями. Это была первая экспедиция, и на всех лежала большая ответственность.

По воспоминаниям Абисатова: «Я встретил Шаяхметова в аэропорту 6 июля, привел его к председателю облизполкома Сагидолле Кубашеву. Ноэль Шаяхметов предъявил ему разрешение Министерства культуры на вскрытие могилы. Кубашев одобрил идею, но выразил сомнение, что в могиле действительно находятся останки Махамбета Утемисова. Кубашев принял решение, что раскопки будут произведены в присутствии секретаря Индерского райкома партии и членов бюро райкома партии, а также председателя районного КГБ» [5].

Был составлен план раскопок, определены цели и задачи предстоящей работы, которые Ноэль Шаяхметов изложил на закрытом заседании бюро Индерского районного комитета Компартии Казахстана. В ходе экспедиции ему

помогли знания судебной археологии и судебной антропологии, так как предстояло провести ряд мероприятий, характерных для этих наук. После краткого обсуждения было решено начать раскопки 9 июля 1966 года.

В раскопках участвовали десять человек, начиная с первого секретаря Индерского райкома партии, работников райкома, райисполкома, Гурьевского областного музея и до заведующего отделением Казахского НИИ онкологии и радиологии. В своей книге «Из тьмы веков» Н. Шаяхметов пишет: «За дело принялись в 13 час. 30 мин. ... Стояла сорокоградусная жара. Кругом степь – ни кустика, ни деревца. Но несмотря на это, все работали с большим желанием, и никто не жаловался на трудности... На глубине 55 см появились кусочки дерева. Это оказались фрагменты деревянной дверцы юрты. Сразу же под нею были обнаружены кости таза. Пользуясь ножом и щеткой, я осторожно очищал кости от земли... Но черепа на месте не оказалось. Это был самый критический момент во время раскопок. Казалось, что подтверждаются самые мрачные сомнения скептиков, утверждающих, что мы не найдем черепа Махамбета.

Посоветовавшись, мы решили расширить могилу. Работали молча, сменяя друг друга, и вдруг орудие ударило обо что-то твердое. Осторожно разгребая землю руками, на уровне костей правой кисти, я увидел череп со следами рубленых повреждений на нем. Это был череп поэта.

Радость присутствующих трудно описать. Мы поздравляли друг друга. Череп передавался из рук в руки, каждый хотел прикоснуться к нему. Когда волнение улеглось, внимательно осмотрели его. На своде черепа и на затылке имелись четыре глубоких повреждения. Кроме этого, рубленые повреждения были обнаружены и на нижней челюсти... Обнаружение черепа в могиле и его необычное положение убедительно подтвердили высказывание академика А. Х. Маргулана о том, что друзья поэта сумели разыскать его голову и захоронить вместе с телом.

Надо отдать должное мужеству и самопожертвованию тех людей, сумевших преодолеть суеверный страх во время вскрытия могилы. Они раскопали её до уровня деревянной дверцы от юрты, которой было прикрыто тело, и положили череп сверху. Это свидетельство истинного благородства, верности и глубокого уважения народа к памяти трагически погибшего поэта» [4, с. 55–58].

Академик Кажым Джумалиев и поэт Таир Жароков оказались правы насчет места захоронения. Останки поэта были доставлены сначала в Гурьев (ныне Атырау), затем в Алма-Ату, оттуда – в Москву. «Работа по созданию скульптурного портрета продолжалась мною в Москве, в лаборатории пластической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР под руководством доктора исторических наук М. М. Герасимова. Во время работы над бюстом Михаил Михайлович был максимально требователен и постоянно напоминал о большой ответственности, которую берет на себя исследователь, предлагая портрет, произведенный по черепу исторического лица», – вспоминал Ноэль Шаяхметов.

В Атырауском областном историко-краеведческом музее я обнаружил «Стенограмму заседания по обсуждению работы Н. Шаяхметова (бюст Махамбета Утемисова) в Институте истории и этнографии Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата, 3 июня 1967 года» (при дальнейшем её цитировании сохраняется синтаксис, написание имен и топонимов оригинала). Председательствовал академик А. Х. Маргулан:

«Позвольте начать наше заседание. На повестке дня один вопрос – просмотр документального портрета казахского поэта Махамбета Утемисова, восстановленного по методу М. М. Герасимова. У нас в Казахстане появился молодой талантливый ученик профессора М. М. Герасимова Н. Шаяхметов, который последние несколько лет занимался у профессора М. Герасимова. Перед нами

возник исторический портрет Махамбета Утемисова (показывает). Вместе с профессором М. М. Герасимовым я лично одобряю такой портрет. Я надеюсь, что вы тоже одобрите эту работу Шаяхметова.

Кроме восстановления исторического портрета Махамбета, Шаяхметов Н. хорошо изучил историю, связанную с восстанием Исатая и Махамбета. Он беседовал со стариками, которые знали исторические легенды казахов западной части, записал, изучил все события, связанные с судьбой Махамбета Утемисова, о его жизни, о его героических преданиях. Суммируя весь этот богатый материал, Шаяхметов сделал интересный синтез, представляющий громадный интерес в культурной жизни Казахстана» [6, с. 1–3].

В обсуждении приняли участие известный ученый, академик Кажым Джумаалиев, заведующий лабораторией этнической антропологии Института истории и археологии, старший научный сотрудник, антрополог Оразак Исмагулов, доктор филологических наук, академик-секретарь АН Казахской ССР Исхак Дюсембаев, известный археолог, кандидат исторических наук Гаяз Кушаев и др. Тибор Тот, венгерский антрополог, который в 1965 году начал комплексные исследования жизни казахов Торгая рода мадьяр, среди прочего отметил: «Это не только у вас, во всем мире число таких специалистов в этой области, такой специфической специальности очень мало. Ведь не случайно профессора М. М. Герасимова называют одновременно физиологом, антропологом, анатомом, археологом».

В своем заключительном выступлении академик А. Х. Маргулан сказал: «Мы в его лице (тов. Шаяхметова) видим высоко эрудированного человека в области медицины, археологии, судебной экспертизы... Труд тов. Шаяхметова для казахов приобретает патриотическое дело, он восстанавливает историю казахского народа. Я считаю, что молодой ученый тов. Шаяхметов сумел сделать целое открытие не только в масштабе Казахстана, но и значительно больше в этой области. Мы должны поощрять молодого ученого, помочь ему в его работе в этой области... Он сделал большой вклад в неведомую до сих пор нам науку... Я от души благодарю его за такой труд и желаю, чтобы он воспитал других молодых ученых» [6, с. 22].

Забегая вперед, скажу, что высказанные на обсуждении пожелания открыть лабораторию, воспитать новых ученых, расширить возможности реконструкций на нашли своего воплощения ни тогда, ни при суверенном Казахстане, когда уже не было идеологического давления и у страны были большие возможности. В 1968 г. Ноэль вспоминал: «В этом году я вскрыл могилу Курмангазы, возьму отпуск, поеду в Москву к Герасимову. Необходимого инструментария у меня еще нет, и для подготовки к восстановлению каждого черепа приходится совершать это путешествие. С одной стороны, это, конечно, хорошо – каждая новая встреча с учителем дает мне много интересного. С другой стороны – пора и нам заводить свою лабораторию. Новое стучится в наши двери!» [7]

Спустя 34 года, в 2002 году, Ноэль Шаяхметов написал письмо первому президенту независимого Казахстана Н. Назарбаеву с просьбой разрешить вскрыть десять могил известных исторических деятелей и создать их антропологические реконструкции, а также помочь создать в Казахстане лабораторию пластической реконструкции, чтобы передать свой уникальный опыт и знания, обучить наших специалистов этой сложной и необходимой государству профессии, но поддержки не получил. До сих пор нашим ученым приходится обращаться за помощью в лаборатории разных стран мира для анализа костных останков и реконструкции черепов.

По итогам экспедиции «Махамбет» Ноэль Шаяхметов написал книгу «Из тьмы веков (портрет по черепу)», напечатанную в Алма-Ате издательством «Казахстан» в 1969 году, которую посвятил своему отцу Жумабаю Шаяхметову, и

даже стал прообразом главного героя, скульптора-антрополога Хамита, в рассказе «Череп» (1970) известного казахского писателя Толена Абдикова.

Тем временем работа по созданию скульптурной галереи исторических деятелей Казахстана продолжалась. В ходе экспедиции «Исатай» Ноэлем Шаяхметовым были предприняты попытки найти останки Исатая Тайманова – главного организатора восстания против хана Жангира. В своем научном сообщении 3 июня 1967 года в Академии наук Ноэль Шаяхметов сказал: «Мы пытались найти труп И. Тайманова. Он погиб в бою... Мы в трех местах проверяли, делали раскопки, вскрыли 20 могил, причем трое аксакалов наблюдали за могилой якобы И. Тайманова, они передавали это из поколения в поколение, а когда мы вскрывали, мы не находили повреждений, характерных для Исатая Тайманова. У него была разрублена голова и огнестрельное повреждение на грудной клетке, а найденные трупы все были без всяких повреждений, так что мы до сих пор не обнаружили труп И. Тайманова» [6, с. 6].

В 1967 году состоялась также экспедиция «Курмангазы», о некоторых подробностях которой он рассказал в интервью «Вечерней Алма-Ате» 7 декабря 1974 года:

«...Надо сказать, что тут мы встретились с дополнительными трудностями. Дело в том, что жизнь Курмангазы прошла как-то бесследно. Имеются в виду материальные следы. Не осталось ни вещей его, ни фотографий. Было только известно место захоронения. Сам Курмангазы был неграмотным. Вначале я обыскал все архивы, прослушал все его произведения. Это тоже о человеке многое говорит. Раскопали могилу в Астраханской области. Подобрались через подкоп к месту, где он был похоронен. Я всё надеялся, что, может быть, домбру вместе с певцом положили. Легче было бы идентичность установить, но ничего такого не оказалось в могиле. Череп, который мы извлекли из захоронения, говорил о том, что он принадлежал красивому человеку. Герасимов учил по первому взгляду определять впечатление от лица, которое собираешься восстанавливать.

Чтобы не сомневаться совсем, мы всё-таки постарались установить, что нашли могилу именно музыканта и именно домбриста. Дело в том, что у профессиональных домбристов от постоянного легкого травмирования пальцев о струны происходят незначительные изменения в костях фаланг. Мы снимали рентгенограммы с кистей рук старейших наших домбристов из оркестра народных инструментов. Изменения оказались точно такими же. У нас появилась уверенность, что здесь действительно могила Курмангазы.

Кропотливая работа по восстановлению лица продолжалась долго. Герасимов свои скульптуры называл “максимальным приближением к действительному существующему человеку”. Так вот, когда я представил портрет государственной комиссии, в которой были видные скульпторы республики, многие отнеслись к этой работе с каким-то, мне это сразу показалось, повышенным интересом. Я думал, что это потому, что работа не очень обычная проделана.

Но потом мне рассказали то, что меня обрадовало. Оказывается, где-то в пятидесятых годах проходил закрытый конкурс на лучший скульптурный портрет знаменитого композитора. И знаете, как-то так получилось, что все скульпторы создали в общих чертах одно лицо. Не знаю, как это вышло. Может быть, действительно музыка может много рассказать даже о внешнем облике её творца. И еще более удивительно то, что мой строго “документальный” портрет также напоминает то лицо, которое создавали в тот уже далекий год скульпторы, участвовавшие в конкурсе. О том, что такой конкурс проходил, я не подозревал» [2].

В те годы были вскрыты захоронения Козы Корпеша и Баян Сулу (1968) – правда, кроме искусно расшитого седла там ничего не оказалось (возможно, оно было ритуальным), Кобланды батыра (1969) и др.

По воспоминаниям Саима Балмуханова, место захоронения Кобланды батыра знал ученый-филолог, доктор филологических наук, Герой Советского Союза Малик Габдуллин, который еще после Великой Отечественной войны защитил кандидатскую диссертацию по героическому казахскому эпосу «Кобланды батыр». Благодаря ему захоронение было найдено в 1969 году в Кобдинском районе, на окраине Жиренкопа. Большую помощь ученым оказал председатель Актюбинского облисполкома, предоставив жилье, питание и самолет биплан, на котором производились топографические облеты местности. Захоронение батыра сильно пострадало в разные годы нашей истории, особенно во время освоения целинных и залежных земель. Там были найдены останки нескольких людей и лошадей. Началась работа по решению сложной, но интересной головоломки, в которой помогли знания судебно-медицинской экспертизы. Это было самое продуктивное и счастливое время в жизни Ноэля.

Время потерь и разочарований

Летом 1970 года случились трагические события, которые повлияли на реализацию задуманных планов: 19 июля 1970 года умирает министр культуры Казахской ССР Ильяс Омаров, который оказывал содействие и поддержку проекту, а 21 июля уходит из жизни Михаил Герасимов. Это был переломный момент в судьбе ученых и самого проекта. У Саима Балмуханова и Ноэля Шаяхметова начались сложности, и проект практически закрылся.

В силу сложившихся обстоятельств не был завершен в том виде, в котором планировался, бюст великого казахского композитора Курмангазы (по пояс), и практически не начата антропологическая реконструкция Кобланды батыра, а его череп еще долго стоял в её ожидании на специальной скульптурной подставке.

В 1971 году Ноэль Шаяхметов вынужден был уехать в Москву, где до выхода на пенсию в 2009 году трудился в Российском онкологическом научном центре РАМН имени Н. Н. Блохина, куда его пригласили коллеги, с которыми он учился в Алма-Атинском мединституте.

В его адрес выдвигались обвинения, что он долго хранил у себя останки Курмангазы, Кобланды и Махамбета Утемисова, хотя еще в апреле 1968 года Ноэль Жумабаевич собрался привезти Махамбета в Гурьев (Атырау) после окончания реконструкции и отливки, о чем свидетельствует найденное мною его письмо директору Гурьевского (Атырауского) областного историко-краеведческого музея Садену Бисенову, которое находится в архиве этого музея.

«Алма-Ата, 14 апреля 1968 года.

Дорогой Саден!

Сегодня мне подписали приказ на командировку. Я вылетаю к Вам 23 апреля вместе с Махамбетом. У меня к Вам убедительная просьба, пожалуйста, никуда не уезжайте, дождитесь меня. Я привезу все необходимые документы для Вашей бухгалтерии. Надеюсь на Вашу помощь и содействие. От Вас полечу в Оренбург, а затем в Казань; может быть, в архивах этих городов удастся найти какие-нибудь документы о Курмангазы. Я решил вылепить Курмангазы до пояса, играющего на домбре. Для этого кроме лица придется восстанавливать и руки. Чтобы найти характерную позу для будущей скульптуры, договорился с киностудией о выделении кинооператора для съемок домбриста Кенена Азербайбаева. Он живет недалеко от Алма-Аты, в Курдайском районе. Сейчас ему около 80 лет, но он очень бодрый и активный, до сих пор играет на домбре. По своим физическим данным он соответствует образу Курмангазы. Надеюсь, что аксакал не будет возражать и согласится позировать. Кроме того, думаю сделать

гипсовые слепки с его рук для образа. С этой целью слепки рук хочу взять у всех ведущих домбристов, в частности, у Ескараева и обязательно у Ахмета Жубанова. Для работы мне нужна домбра, характерная для Западного Казахстана. Нельзя ли у Вас достать её на несколько месяцев с обязательным возвратом. Хотелось, чтобы домбра и костюм Курмангазы соответствовали духу того времени. Еще лучше, если удастся найти домбру девяностолетней давности. Все эти мелочи необходимы для создания правдивого образа. По моим расчетам, на эту работу уйдет полгода. Но, возможно, что различные обстоятельства, да и само время, внесут свои коррективы. Там видно будет. Редакция вернула мне рукопись книги о Махамбете с замечаниями, касающимися, в основном, истории образования жузов, Букеевского ханства и самого восстания. Вот таким образом обстоят дела. Дорогой Саден! Еще раз прошу Вас встретиться нас с Махамбетом и не уезжать никуда. Большой привет всем Вашим сотрудникам. С уважением к Вам, Ноэль».

Всё-таки «различные обстоятельства, да и само время» внесли свои коррективы в эти планы. Останки поэта в Гурьев (Атырау) тогда не были доставлены. В наших беседах в Москве в 2004–2008 годах я расспрашивал его о многих вещах, в том числе о том, почему так получилось с Махамбетом.

Оказалось, дело было в том, что Ноэль Шаяхметов уже собрался выехать с останками поэта в Гурьев (Атырау) и даже сообщил директору областного краеведческого музея Садену Бисенову дату приезда – 23 апреля 1968 года, после того как из Министерства культуры ему сообщили, что вопрос с созданием пантеона на Кок-Тобе практически решен и первым героем, которого там планируется похоронить, будет Махамбет. Однако вопрос с пантеоном сильно затянулся, поэтому до 1974 года останки Махамбета, Курмангазы и Кобланды батыра действительно, в ожидании решения сверху, находились в квартире Ноэля Шаяхметова по адресу – Алма-Ата, улица Калинина (Кабанбай батыра), 119, кв. 6, где, к слову, нет ни балкона, ни подвала для хранения, как писали некоторые журналисты, что не соответствует действительности. Также Махамбет, Курмангазы и Кобланды какое-то время находились у сестры Алмы на ул. Панфилова, 151, кв. 6 и у нас дома по адресу Алма-Ата, проспект Ленина (ныне пр. Достык), 40, кв. 47, угол ул. Калинина (ныне ул. Кабанбай батыра).

В одной из комнат в ряд у нас стояли три книжных шкафа. Наверху, на специальных подставках, находились антропологические реконструкции и черепа героев, а внизу стояли специальные ящики с их останками. Тем временем идея по созданию национального пантеона так и зависла в воздухе, зашла в тупик в силу разных причин, поэтому Министерством культуры было принято решение вернуть останки Махамбета и Курмангазы на места их исторических захоронений. В Атырауском областном историко-краеведческом музее хранится «Справка о раскопках и создании скульптурного портрета Махамбета Утемисова» от 14 октября 1975 года за подписью директора областного музея С. Бисенова, где отмечено: «В декабре 1974 года останки поэта были вывезены из Алма-Аты директором Гурьевского областного музея С. Бисеновым. 14 октября 1975 года останки Махамбета Утемисова через заведующего Индерским райотделом культуры т. Елеуова М. были переданы в Индерский район для вторичного захоронения. Директор областного музея С. Бисенов. (Подпись.) Научные сотрудники. (Две подписи.) 14.10.75». Также в документах музея есть «Приемо-сдаточный акт» от 28 июля 1976 года, г. Гурьев.

Государственная комиссия, созданная в 1974 году, высоко оценила работу Н. Шаяхметова по воссозданию облика поэта, о чем указано в той же «Справка о раскопках и создании скульптурного портрета Махамбета Утемисова» от

14 октября 1975 года. С. Бисенов пишет: «Комиссия, созданная в 1974 году, высоко оценила работу Н. Ж. Шаяхметова. В состав комиссии входили: академик А. Маргулан; зам. министра культуры У. К. Садыкова; народный художник Х. Наурызбаев; зав. отделом Института истории, археологии и этнографии АН К. Акишев; старший архитектор министерства культуры К. Шурдук; старший инспектор министерства культуры К. Жунусбаев; директор художественной выставки Домулина; директор Гурьевского областного музея С. Б. Бисенов; директор ЦМК Космамбетова В. И».

Повторное захоронение Махамбета Утемисова было произведено только 15 мая 1983 года. В 1995 году, к 150-летию поэта, был возведен мавзолей-мазар, который позже был реконструирован.

Дольше всего у Ноэля хранились останки Кобланды батыра, так как вопрос об их дальнейшей судьбе продолжительное время оставался нерешенным в Министерстве культуры республики, несмотря на то, что он неоднократно туда обращался. Потом события завернулись как в калейдоскопе: перестройка, снятие Д. Кунаева, декабрьские события 1986 года, постановление ЦК КПСС «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся» от 16 июля 1987 года, названное в народе «постановлением о казахском национализме». Это было время, когда о батырах и самом проекте боялись даже упоминать. Затем последовал развал СССР, «лихие» 90-е и трудности переходного периода.

К сожалению, была утеряна рукопись книги об экспедиции «Курмангазы» и истории его реконструкции с фотографиями, таблицами, краниологическими описаниями, рентгеновскими снимками, а также анатоми-антропологическими характеристиками скелета. Журналист из Казахстана, фамилию которого Ноэль не мог вспомнить, попросил её у него с обещанием перевести на казахский язык и издать, но так и пропал.

Некоторые журналисты критиковали Ноэля Шаяхметова, не вникая в суть дела, забывая, что в те годы копание в историческом прошлом национальных республик в прямом и переносном смысле этого слова официальной идеологией, мягко говоря, не поощрялось. Кроме того, обо всех экспедициях, а также связанных с ними обстоятельствах, знали и первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, и министр культуры республики И. Омаров.

Проект по созданию документальных портретов выдающихся личностей казахской истории по методу М. Герасимова не был официальной государственной программой и финансировался с молчаливого согласия правительства за счет Казахского научно-исследовательского института онкологии и радиологии, за что его директор, академик С. Балмуханов подвергался критике со стороны недоброжелателей. Но именно благодаря Саиму Балуановичу все эти экспедиции и стали возможными. После смерти министра культуры Омарова 19 июля 1970 года Балмуханов и Шаяхметов потеряли эту негласную поддержку, а через два дня, 21 июля 1970 года, скончался профессор М. Герасимов. На этом проект по созданию пантеона и аллеи известных исторических деятелей, который держался на энтузиазме ученых, стремлении найти научные доказательства важным эпизодам казахской истории, стал затухать, так и не получив государственного финансирования.

Спустя 35 лет, при содействии академика Балмуханова, ученые-антропологи Оразак и Айнагуль Исмагуловы, проделав кропотливую подготовительную работу, перевезли череп Кобланды батыра в Москву, в лабораторию пластической реконструкции имени М. Герасимова, где скульпторы-антропологи Татьяна Балуева (руководитель лаборатории) и Елизавета Веселовская вос-

создали облик батыра (2006). На месте его захоронения в 2007 году был воздвигнут мавзолей.

Ноэль Шаяхметов в 2002 году обращался к властям с просьбой дать ему возможность провести антропологические реконструкции десяти казахских героев, первым из которых был Кобланды, но из министерства культуры получил ответ, что дело это сложное и требует особого распоряжения Правительства, то есть, фактически, получил отказ.

В беседе со мной в 2005 году он говорил: «Мне сейчас некому передать свой опыт, навыки и знания того, чему я научился у Герасимова. Объективный метод воспроизведения лица по черепу представляет собой комплекс таких дисциплин, как анатомия, антропология, физиология, археология. Научиться по учебнику этому нельзя. Этот метод передается из рук в руки. Антропологи шлифуются годами. Этот метод может стать инструментом для понимания процессов этногенеза казахской нации. Я мечтал создать в Казахстане лабораторию, где можно было работать и готовить своих учеников, будущих казахских антропологов-практиков. У меня есть список из 10 легендарных имен. Реконструкции наших героев дали бы историкам информацию об их жизни, облике, физиологических особенностях, травмах и даже болезнях. Во всем мире это вызывает живой научный интерес, но у нас порой предпочитают мифологизировать историю, как в случае с Махамбетом».

Например, на юбилейной монете в 50 тенге (2003), посвященной 200-летию Махамбета, Национальный банк Республики Казахстан поместил изображение, сделанное на основе линогравюры 1981 года художника-шестидесятника Макума Кисамединова, а не документальный скульптурный портрет поэта, утвержденный государственной комиссией и научным сообществом. Также на юбилейной выставке в галерее «Улар», посвященной 200-летию Махамбета, ему не нашлось места. В отчете об этом мероприятии было написано: «Восстановленный на основе скелетных останков антропологом Н. Шаяхметовым по методу М. М. Герасимова портрет тоже, наверное, не может гарантировать полное сходство. Тем более, что воин был обезглавлен. Думается, что в воссоздании его облика нам поможет, как это уже было в истории, в том числе и с Иисусом Христом, чутье мастеров кисти, которые много лет создают образ рыцаря меча и домбры...» [8] Комментарии здесь излишни.

Собирая фрагменты

Исследования по истории зарождения казахской антропологии привели меня к знакомству с известным антропологом Г. В. Лебединской. Перед этим я показал академику С. Балмуханову первый том «Казахстан. Национальная энциклопедия» (2004), где в статье «Антропология» на странице 230 нашел ошибку: под фотографией бюста древнего уйсуня работы Ноэля Шаяхметова написано: «Бюст сака. Реконструкция антрополога Г. В. Лебединской». Саим Балуанович посоветовал показать эту страницу Лебединской. Узнав, что я племянник Ноэля, она назначила встречу у себя дома на Сретенке, что недалеко от нашего Посольства. Ей тогда было 82 года. В просторной московской квартире со множеством книг и антропологических реконструкций меня встретила худощавая энергичная женщина небольшого роста с пронзительным взглядом. Антрополог-легенда, известная не только в Союзе, но и в Европе, Азии и США. Увидев ксерокопию 230-й страницы первого тома, сразу сказала, что это работа Ноэля. Она действительно занималась саками и попросила свою внучку, тоже антрополога, записать для меня на CD-диск эти реконструкции.

Так я познакомился с Галиной Вячеславовной, которая рассказала мне о периоде становления лаборатории с 1950 года, первых сотрудниках, о самом Михаиле Михайловиче Герасимове, о памятных реконструкциях. Она вспоминала: «Физическая антропология – дело для энтузиастов, людей увлеченных! Не всякий это выдержит. Каждое утро я просыпалась счастливой от того, что у меня есть такая работа». У нас было две беседы в 2005 и 2006 годах. Галина Вячеславовна рассказала много интересных историй из своей практики. Запомнился эпизод, когда они только приступили к работе над Иваном Грозным: «Мы были атеистами, но когда подошли к столу, на котором был разложен скелет царя, свет вдруг погас и порыв ветра распахнул окна. Это была какая-то мистика!» Потом именно она укладывала в анатомическом порядке останки Ивана Грозного обратно в саркофаг усыпальницы Архангельского собора в Кремле 22 ноября 1965 года, после завершения реконструкции и проведения всесторонних исследований.

Ноэль Шаяхметов высоко отзывался о Г. В. Лебединской, говорил, что Галина Вячеславовна была правой рукой Герасимова, помогала ему в реконструкции многих известных исторических личностей. Ею создано более 200 скульптурных и графических реконструкций. Она совершенствовала метод скульптурной и графической реконструкции лица по черепу, изучала соотношение между мягкими покровами лица и черепа (анатомический и рентгенологический методы). Графическая реконструкция является более оперативной и применяется в криминалистике. Интересно было узнать, что тщательная детализация черт лица, художественность затрудняет процесс опознания.

Лебединская исследовала рентгеновские снимки, рентгенограммы египетских мумий, которые ей присылали из Британского музея, делая по ним графические реконструкции. Когда Ноэль приезжал в Москву, она показывала ему эти снимки как врачу-рентгенологу, судмедэксперту, и они долго обсуждали профессиональные детали, которые возникали при графических реконструкциях мумий. Возможно, поэтому у Ноэля, освоившего её метод, было так много рентгеновских снимков казахских исторических личностей, их черепов в проекциях и костей скелетов. Вся лаборатория была ими завалена. Он писал о них книги, работая в архивах Казахстана, России и союзных республик. Особенно запомнились рентгеновские снимки кистей рук Курмангазы. В процессе создания его антропологической реконструкции он сделал также рентгеновские снимки кистей рук домбристов-солистов фольклорно-этнографического оркестра «Отырар сазы» под руководством Нургисы Тлендиева, чтобы показать особенности их строения и характерных для домбристов костных изменений.

Перед отъездом на работу в Москву Ноэль часто приходил к своему старшему брату Равилю Жумабаевичу Шаяхметову, к нам домой на проспект Ленина (Достык), и рассказывал об интересных случаях из своей антропологической практики: как искали захоронения Кобланды, Исатая, почему у Курмангазы ребра были искривлены, отчего хромал Махамбет, как с М. Герасимовым через его связи пытались выяснить судьбу черепа хана Кенесары, чтобы провести исследования и воссоздать его облик. Череп не нашли, но полученная ими информация из Музея антропологии и этнографии делала слабой надеждой, что подлинный череп существует. Вспоминал годы поисков и открытий, надежд и разочарований, как отец, Жумабай, глядя на сына в окружении рукописей и черепов, в шутку называл его казахским Фаустом. Собирать разбитые фрагменты ранней истории зарождения казахской физической антропологии очень сложно, потому что несбывшиеся надежды и проекты закрыли источники и погасили энтузиазм у основных действующих лиц тех событий.

О Золотом человеке

Что касается Золотого человека, то во время наших бесед Ноэль Жумабаевич рассказывал, что в 1970 году археологи во главе с Кемалем Акишевым пригласили его, чтобы показать разложенный на столе скелет Золотого человека уже после того, как у всех немного спало эмоциональное напряжение от неожиданного научного открытия и были решены организационные вопросы, связанные с найденными в захоронении золотыми украшениями. Попросили осмотреть череп, костные останки и сказать, можно ли провести антропологическую реконструкцию по методу Герасимова и соответствующие исследования скелета.

Археолог К. Акишев и Золотой человек

Шаяхметов первым делом осмотрел череп и сказал, что воссоздать облик Золотого человека нельзя, так как при раскопках и извлечении череп был сильно поврежден в его средней части, в области носовой полости. Следует также отметить, что среди останков не было костей правой ноги, утерянных, со слов археологов, в суете событий того памятного дня.

На основании результатов осмотра предъявленных ему в тот день костных останков Ноэль Шаяхметов заключил, что они принадлежали молодой женщине, судя по сумме антропологических признаков: тонкости лицевого скелета, его миниатюрности, сглаженности микрорельефа, скулам, надбровным дугам, тазовому, плечевому поясу, ширине грудной клетки, длине ключиц, особенностям костей и др. Скелет был субтильным, его длина составляла 158 см. О возрасте также можно было судить по совокупности признаков, прежде всего по состоянию зубов, степени облитерации швов черепного свода, окостенения основания черепа, конституционным особенностям, толщине лобковых костей (тонким) и др. Как говорил Ноэль, для классификации костей в антропологии и судебной медицине существовали параметры: период детства (до 16 лет), достижение половой зрелости, юношество (18–20 лет), молодой возраст (20–25 лет), зрелый возраст (25–50 лет), пожилой возраст (50–60 лет), старческий возраст (после 60 лет). В данном случае возраст осматриваемого женского скелета был около 16 лет, и он был красивым, как говорят антропологи, обобщая отличия женского от мужского. Ноэль также высказал сожаление, что не видел, как были уложены останки в захоронении, какие предметы находились вокруг скелета, остатки одежды и головного убора, как были выложены золотые украшения, что крайне важно для определения общей картины.

Со скелетом Золотого человека Ноэль Шаяхметов не работал, комплекс исследований не проводил, так как его выводы и интерпретации морфологических особенностей осмотренных им останков разошлись с рабочей гипотезой Кемала Акишева, что это мужчина, воин, царь, потерявший ногу в сражении. Археологи провели археологическое обследование найденных останков, а Ноэль – судебно-медицинское, включающее пол, возраст, рост, состояние скелета, комплектность, повреждения и т. д. Всё это Шаяхметов сказал Акишеву и его коллегам. Протокол не велся. Принято к сведению.

Последним проектом Ноэля Шаяхметова намечалась реконструкция облика Амангельды Иманова, о чём он рассказал в интервью газете «Вечерняя Алма-Ата» от 7 декабря 1974 года: «Это чрезвычайно заманчиво и ответственно. Есть касте-

евский его портрет, который сделан на основании слов его сарбазов и родственников. Есть предполагаемый фотографический портрет. Еще когда был жив Алиби Джангильдин, я много расспрашивал его об Амангельды. У меня есть о нем свое представление. Но это иногда просто мешает. В любом случае, эта работа меня очень интересует». Но этому проекту, как и многим другим, не суждено было воплотиться в жизнь в силу сложившихся в последующем политических и личных обстоятельств.

Оглядываясь назад, Ноэль с благодарностью вспоминал: «К Герасимову я приезжал по несколько раз в год на протяжении почти пятнадцати лет. Это был невероятно открытый, терпеливый и доброжелательный человек, настоящий интеллигент». На память сохранилась книга учителя «Восстановление лица по черепу» с надписью: «Ноэлю Шаяхметову, с пожеланиями дальнейших успехов в области реконструкции лица. Михаил Герасимов, 29 декабря 1958 года». Книга, с которой всё началось.

Академическая деятельность и научные труды Оразака Исмагулова, экспедиции и антропологические реконструкции Ноэля Шаяхметова, его исследования и опыты в области судебной антропологии, а также проект Саима Балмуханова по созданию документальных портретов исторических личностей казахского народа по методу Герасимова, стали первыми шагами в становлении казахской антропологии на волне научного энтузиазма и широкого общественного интереса к этой теме в 60-е годы XX века. Благодаря скульптурным портретным реконструкциям Ноэля Шаяхметова на основе черепа мы узнали достоверный облик Махамбета и Курмангазы.

Р. С. Идея написать о становлении казахской антропологии и первых опытах в пластической реконструкции обликов национальных героев Казахстана появилась двадцать лет назад. Тогда не знал, как будет сложно с источниками. Словно в детективной истории, пришлось идти по полустертым следам событий и в поисках оставшихся свидетелей копаться в музеях и библиотеках, чтобы собрать фрагменты этой оказавшейся увлекательной истории идей, экспедиций, научного энтузиазма, открытий и разочарований. Настоящий материал основан на беседах с медиком-антропологом Н. Ж. Шаяхметовым в Москве в 2004–2008 гг., академиком С. Б. Балмухановым в 2006–2011 гг., антропологами Г. В. Лебединской в 2006–2007 гг. и О. Исмагуловым в 2023–2024 гг., а также на интервью с Ноэлем Шаяхметовым прошлых лет и других публикациях. В 2024 году издательство «Өлке» выпустило книгу по материалам Ноэля Шаяхметова, включая книгу «Из тьмы веков», его письма и интервью.

Литература

1. Исмагулов О., Исмагулова А. Происхождение казахского народа. Алматы, 2017.
2. Интервью Н. Ж. Шаяхметова «Такое живое прошлое» // Вечерняя Алма-Ата. 1974. 7 декабря.
3. Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
4. Шаяхметов Н. Ж. Из тьмы веков (портрет по черепу). Алма-Ата: Казахстан, 1969.
5. Галина Галкина. Звезда и смерть Махамбета Утемисова // Новое поколение. 2002. 13 декабря.
6. Стенограмма заседания по обсуждению работы Н. Шаяхметова (бюста Махамбета Утемисова) в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР от 3 июня 1967 г. под председательством акад. А. Х. Маргулана.
7. Интервью Н. Ж. Шаяхметова «Тайны безымянных могил» // Вечерняя Алма-Ата. 1968. 22 января.
8. Петровский А. Явление Махамбета // Казахстанская правда. 2003. 20 декабря.
9. Экспедиция «Махамбет». Алматы: Өлке, 2024.